

Девятнадцатый покачал головой. Это были лишь незначительные раны. В прошлом он получал и куда более серьёзные травмы. Дуаньму Цин явно преувеличивал.

Дуаньму Цин достал книгу с историями, открыл её на случайной странице и предложил:

— Может, я расскажу тебе сказку? Хорошо?

Девятнадцатый слабо улыбнулся:

— Господин, не стоит так беспокоиться. Я просто не хочу спать.

Дуаньму Цин опустил голову, прижав лоб ко лбу Девятнадцатого, и прошептал хриплым голосом:

— Прости, это моя вина. Я не должен был отпускать тебя одного. Впредь я всегда буду с тобой, хорошо?

Девятнадцатый не мог видеть Дуаньму Цина в таком состоянии. Тот должен был всегда оставаться гордым и величественным, а не мучиться чувством вины из-за его мелких ран.

Не зная, как его утешить, Девятнадцатый, подумав, откинул одеяло:

— Господин, может, вы ляжете со мной?

— Хорошо, я останусь с тобой. Ты спи спокойно, — ответил Дуаньму Цин, снял сапоги, лёг под одеяло и осторожно обнял Девятнадцатого, стараясь не задеть его плечо.

Девятнадцатый уткнулся лицом в грудь Дуаньму Цина и закрыл глаза. Возможно, из-за того, что тот был рядом, он чувствовал себя в безопасности, или же он действительно устал, но в объятиях Дуаньму Цина он быстро уснул.

Когда Девятнадцатый окончательно заснул, Дуаньму Цин тихо поднялся, поправил одеяло и вышел из комнаты.

Как только он оказался за дверью, его мягкое выражение лица сменилось мрачным, а вокруг него распространилась аура убийственного холода. Одиннадцатый, пришедший с докладом, увидев хмурое лицо Дуаньму Цина, понял, что тот действительно разгневан.

— Выясни, кто стоит за нападением. Я хочу знать точную информацию в течение трёх дней.

— Слушаюсь.

— Как поживают Семнадцатый и Восемнадцатый?

— Они в порядке, лишь несколько порезов, — легко ответил Одиннадцатый, хотя раны Семнадцатого и Восемнадцатого были серьёзными и требовали времени для заживления.

— Дайте им месяц отпуска, пусть восстановятся. Пусть не выполняют заданий. И используйте для них лучшие лекарства, не экономьте, — сказал Дуаньму Цин, понимая, что их ранения куда серьёзнее, чем описывал Одиннадцатый. Они были его верными подчинёнными и братьями, и они получили ранения, защищая Девятнадцатого. Дуаньму Цин считал, что обязан о них позаботиться.

— Слушаюсь. Я передам им вашу благодарность.

Одиннадцатый поклонился и направился в разведывательный отдел.

Дуаньму Цин вернулся в комнату, забрался под одеяло и притворился, что никогда не уходил.

Услышав, что Девятнадцатый ранен, Шэнь Нань специально пришёл навестить его. В это время Дуаньму Цин находился в кабинете и играл с Девятнадцатым в шахматы.

Плечо Девятнадцатого было травмировано, и Дуаньму Цин запретил ему прыгать по крышам и деревьям, используя лёгкость, иначе сейчас бы он был на крыше, считая облака.

Девятнадцатый и Дуаньму Цин сыграли две партии, и обе проиграл Девятнадцатый. Дуаньму Цин, подумав, решил подшутить:

— Давай так: проигравший должен поцеловать победителя. Если я проиграю, я поцелую тебя, а если ты проиграешь, ты поцелуешь меня. Как насчёт этого?

Обычно Дуаньму Цин сам проявлял инициативу, а Девятнадцатый никогда не делал первого шага. Дуаньму Цин мечтал, чтобы они оба были активны в своих отношениях.

Девятнадцатый колебался, стоит ли соглашаться на условие Дуаньму Цина. Если он согласится, то будет постоянно проигрывать... А если откажется, вдруг Дуаньму Цин расстроится?

Дуаньму Цин, видя его нерешительность, сказал:

— Если ты молчишь, я считаю, что ты согласен. В любом случае, кто бы ни поцеловал, он останется в выигрыше!

Девятнадцатый взял чёрные фигуры, а Дуаньму Цин — белые. Чтобы Девятнадцатый не чувствовал себя обиженным, Дуаньму Цин великодушно дал ему фору в пять ходов.

Девятнадцатый сосредоточенно размышлял, когда вошёл охранник и доложил, что прибыл Шэнь Нань. Дуаньму Цин махнул рукой, веля передать, что он занят и не может принять его.

Через час чёрные фигуры оказались в плотном окружении, без возможности отступления. Исход партии был ясен: Девятнадцатый проиграл.

Дуаньму Цин, облокотившись на шахматную доску, посмотрел на него:

— Девятнадцатый, ты проиграл. — Он указал на свою щёку, намекая.

Честный в игре, Девятнадцатый, собравшись с духом, поднёс лицо к щеке Дуаньму Цина и быстро поцеловал его так, что тот даже не успел почувствовать. Когда он опомнился, Девятнадцатый уже сидел на своём месте.

Не удовлетворившись, Дуаньму Цин собрал фигуры:

— Ещё раз! — На этот раз он хотел, чтобы Девятнадцатый поцеловал его в губы.

Ещё через час, даже с форой в семь ходов, Девятнадцатый снова проиграл. Он был неплохим игроком, среди тайных стражей он считался одним из лучших и иногда даже выигрывал у Шэнь Бэя, но против Дуаньму Цина он был бессилён.

Дуаньму Цин с торжеством указал на свои губы:

— На этот раз не будь так скуп.

Девятнадцатый смотрел то влево, то вправо, но не в глаза Дуаньму Цина, в которых светилось веселье:

— Девятнадцатый, мы не можем отказываться от договорённости.

Девятнадцатый, что было редкостью, возразил:

— Но я же не соглашался!

Дуаньму Цин снова засмеялся:

— Если ты не соглашался, зачем тогда целовал меня в прошлый раз? — Его насмешливый взгляд вызывал желание ударить его.

... Девятнадцатый не смог ничего возразить и, не смея спорить, неохотно подошёл к нему и чмокнул его в губы.

Дуаньму Цин, добившись желаемого, сиял от счастья.

Они играли уже несколько часов, и Девятнадцатый не должен был переутомляться. Дуаньму Цин убрал шахматную доску, усадил Девятнадцатого к себе на колени и не переставал его целовать.

Стоит отметить, что с тех пор, как Девятнадцатый получил ранение, единственным плюсом было воздержание. Дуаньму Цин, боясь повредить его рану, уже несколько дней не позволял себе ничего лишнего, и каждую ночь они спокойно спали, без лишних движений.

После ранения жизнь Девятнадцатого стала поистине комфортной. Дуаньму Цин относился к нему ещё лучше, чем раньше. Сам он предпочитал острую пищу, но, чтобы быть с Девятнадцатым, он перешёл на лёгкую диету, и уже несколько дней на столе не было перца или других острых приправ. Шэнь Бэй и Хань Лэн тоже страдали, и, как выразился Хань Лэн:

— Вы, двое, не едите, но мы-то хотим!

Дуаньму Цин каждый раз отвечал на это угрожающим взглядом, давая понять, что если они продолжат жаловаться, то останутся без еды.

Дуаньму Цин также заботливо клал каждое блюдо в тарелку Девятнадцатому, чтобы тот мог есть медленно и не напрягать руку. Хотя Девятнадцатый и Хань Лэн не раз подчёркивали, что его левое плечо было ранено, а не правое, и его рука не пострадала.

Но Дуаньму Цин не слушал, наслаждаясь своим занятием. Он тщательно удалял все рыбьи кости, вынимал из еды кинзу, которую Девятнадцатый не любил. В первый день после ранения Дуаньму Цин принёс еду в комнату и кормил Девятнадцатого с ложки, что очень удивило последнего.

Для Дуаньму Цина было естественно заботиться о Девятнадцатом. Он хотел окружить его любовью и заботой, чтобы исправить ошибки прошлой жизни и больше никогда не причинять Девятнадцатому боли.

Девятнадцатый, сидя в объятиях Дуаньму Цина, почувствовал, что ему стало жарко, и слегка пошевелился, что напугало Дуаньму Цина:

- Что случилось, Девятнадцатый? Я случайно причинил тебе боль? Может, позвать Хань Лэна?
— Он уже собирался раздеть Девятнадцатого, чтобы проверить, не открылась ли рана.

Девятнадцатый поспешно поправил одежду и тихо объяснил:

- Нет, господин, со мной всё в порядке. Мне просто жарко.
— Ты уверен? — Дуаньму Цин снова спросил, всё ещё настаивая на том, чтобы проверить.

Девятнадцатый быстро остановил его:

- Господин, мы же в кабинете!

Дуаньму Цин поднял его на руки:

- Тогда пойдём в спальню. Если тебе больно, скажи мне. Я велю добавить на ужин суп из костей, чтобы ты восстановился.

- Господин, правда, не нужно так переживать. Со мной всё в порядке, — сказал Девятнадцатый, когда они вернулись в спальню, и его снова раздели.

Дуаньму Цин нежно поцеловал его в лоб:

- Нет, я не могу позволить тебе страдать. Это я был невнимателен. Впредь я не допущу, чтобы ты оказался в опасности.

Постоянные сентиментальные речи Дуаньму Цина казались Девятнадцатому странными и непривычными, и он попытался сменить тему:

- Господин, выяснили, кто был за тем нападением?
— Возможно, это связано с Демоническим учением. Пока нет улик, но Шэнь Нань замешан в этом. Я отомщу за тебя.

Девятнадцатый прижался к груди Дуаньму Цина:

- Господин, ведь Демоническое учение было уничтожено десять лет назад. Неужели они собираются возродиться?
— Возможно. В мире боевых искусств снова начнётся кровавая бойня. — Если это произойдёт, никто не останется в стороне.

Авторская ремарка:

Девятнадцатый: «Я ранен, мне больно, хочу поцелуй!»

Дуаньму Цин: «Хорошо, целую!»

Семнадцатый и Восемнадцатый: «Босс, мы тоже ранены, нам тоже больно, мы тоже хотим поцелуй!»

Дуаньму Цин: «А вы можете проваливать!»